

Истюфеев А.В.

Оренбургский государственный университет

АНТИИСТОРИЗМ: ЕГО МЕСТО И РОЛЬ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В статье средствами социально-философского анализа рассматриваются основные положения так называемого «антиисторического подхода» к истории. Автор приходит к выводу, что история как целое, как единый процесс необъяснима. Поэтому невозможен прогноз будущего на основании изучения опыта прошлых веков.

История – свободна, ибо она заранее не написана и не детерминирована, как природа или фатальность; она непредсказуема, как человек для самого себя.

Р. АРОН [1, с. 499]

Антиисторический подход к истории наиболее полно был изложен и обоснован известным современным философом К.Р. Поппером в его работах «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма». В своих произведениях он ярко и открыто критикует историцизм. По его мнению, это – такая точка зрения, согласно которой существует процесс исторического развития, подчиненный действию определенных, не зависящих от человека сил. Если эти силы не сверхъестественные, а естественные, то историцизм предполагает существование определенных объективных законов, определяющих ход исторического процесса.

В целом, историцизм – это философская доктрина, согласно которой знание о человеческой деятельности имеет по преимуществу исторический характер, т. е. не существует неисторического понимания природы, человека и общества. В связи с этим необходимо философское объяснение исторического знания, которое представляет собой квинтэссенцию всего знания о делах человека.

Историцизм или историзм на первое место ставит те способы познания, которые применяются в исторических исследованиях для того, чтобы достичь истины. Гуманитарные науки не должны искать объективные законы, так как знание, которое они могут дать, носит интерпретационный характер и укоренено в исторических обстоятельствах; оно субъективно и контекстуально. История вообще отвергает какое-либо обращение к универсальным законам человеческого развития на том основании, что все в ней уникально и специфично. Сторонниками такого видения исторического процесса были Л. фон Ранке, Мейнеке, Кроче, Коллингвуд, Ортега-и-Гассет, Манхейм.

К. Поппер считал, что быть историцистом означает быть убежденным в существовании

законов истории, в частности «закона исторического развития», согласно которому существует модель исторического развития, раскрыть которую составляет центральную задачу социальной науки. Рассматривая историцизм как «хорошо продуманную и упорядоченную философию», он вводит такое понятие как историческое предсказание, означающее принципиальную цель социальных наук.

Такого рода предвидение возможно благодаря открытию «ритмов», «моделей», «законов», «тенденций», лежащих в основе развития истории. Этот подход, по Попперу, развивается исторической теорией или теоретической историей, на том основании, что «лишь универсально значимые социальные законы признаются историческими законами» [3, с. 32].

Первоначально выражение историцистской доктрины было усмотрено Поппером и Хайеком в философии К. Маркса. История, согласно историцизму, обретает связность благодаря «исторической идее». Это понятие здесь было основополагающим, подобное аристотелевской энтелехии, внутренне присущему самим вещам принципу, который предопределяет прохождение ими определенных ступеней исторической эволюции.

Историцисты усматривали в исторической реальности не только изменяющиеся объекты и исторические описания этих изменений, но и исторические идеи, которые тем или иным образом определяют эти объекты, как если бы принцип исторического развития был присущ народам, нациям и т. д.

Отсюда следует, что историческая идея в историцизме играла центральную роль в представлении и описании исторической реальности. Хотя историческая идея и предполагала существование вещей и объектов, но она содержалась в реальности даже и без бытия самих вещей.

В любом своем варианте историцизм предполагает если не абсолютную, то известную предопределенность, прохождение обществом тех или иных стадий развития, а тем самым и возможность для мыслителя и ученого предсказать ход истории. Для К. Поппера историцистами в равной степени являются и Августин Аврелий, и О. Конт, и К. Маркс, и О. Шпенглер, и А. Дж. Тойнби. Их концепции – это различные модели историцизма, который может быть теистическим, спиритуалистическим, натуралистическим, экономическим и т. д.

Самое главное, что раздражало К. Поппера, так это то, что историцисты претендовали на предвидение и предсказание будущего. Он именует их пророками, а их взгляды на будущее характеризует как пророчества. Исходный пункт рассуждений К. Поппера – это полное неприятие вывода К. Маркса о неминуемости гибели капитализма. Как известно, для Поппера капитализм представлял собой самое справедливое и наилучшее общество из существовавших ранее, и поэтому он не принимал его грядущего исчезновения. В связи с этим он выступил с резкой критикой не только экономического учения К. Маркса и созданного им материалистического понимания истории, но и вообще всех исторических концепций, где история – это процесс развития, имеющий свои объективные законы; там, где действуют объективные силы, пусть даже сверхъестественные.

Свое опровержение историцизма К. Поппер строит на основе «методологического номинализма», или, что, по сути, то же самое, – феноменализма. Как мир в целом, так и общественная жизнь людей, таким образом, – это совокупность огромного множества явлений, прежде всего разнообразных действий людей. История есть «последовательность событий». И вообще, «единой истории человечества нет, а есть лишь множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них – история политической власти» [3, с. 33]. Следовательно, по Попперу, история не есть процесс развития, идущий по определенным законам, в ней нет и не может быть никаких последовательно сменяющихся стадий.

Говоря об этом, можно отметить следующее противоречие. К. Поппер категорически утверждает, что процесса развития общества не существует. Но когда у него появляется нужда в аргументах в пользу положения невозможности открытия законов общественного развития,

он заявляет, что «эволюция жизни на Земле или человеческого общества – уникальные исторические процессы» [3, с. 35].

Отсюда следует, что у Поппера процесс развития общества все же имеет место, но только нельзя открыть его законы в силу невозможности сравнения и обобщения. Хотя такое объяснение в целом неправомерно. Ведь и сам мыслитель знал, что человеческое общество всегда состояло из множества конкретных отдельных обществ, развитие которых, по крайней мере, в определенные эпохи можно сопоставлять и сравнивать.

Отвергая существование стадий в развитии человеческого общества, сам Поппер, противореча себе, выделяет существование в развитии общества по меньшей мере двух всемирно-исторических этапов. Первый – это «магическое, пленное, коллективистское общество», которое К. Поппер предпочитает именовать «закрытым обществом», второе общество – цивилизованное, или открытое [4, с. 131-132]. «В свете всего сказанного, – пишет мыслитель, – очевидно, что переход от закрытого общества к открытому можно охарактеризовать как одну из глубочайших революций, через которые прошло человечество» [4, с. 220]. Таким образом, по Попперу, получается, что были и другие, кроме названной, глубочайшие революции в истории человечества, а тем самым и иные, кроме упомянутых, стадии всемирно-исторического развития. И таких противоречий в работах К. Поппера немало.

Итак, закрытое общество, по Попперу, – «коллективистское», а открытое – индивидуалистическое. Хотя само по себе такое противопоставление представляется не совсем ясным. Ведь коллективистское общество – это архаическое, племенное общество, которое разумно противопоставить только древнегреческому, впервые выстроившему социальные отношения на основе индивидуализма и значительной автономии личности. Противопоставлять же архаический коллективизм современному индивидуализму, на наш взгляд, имеет мало смысла, так как эти общества разделены тысячелетиями. «Закрытых обществ», по мнению Поппера, может быть много. Причем каждое из них имеет свою своеобразную судьбу. Открытое же общество может быть только одно, и оно «может продвигаться вперед, если оно не хочет быть задержано и возвращено в неволю, в звериную клетку» [4, с. 289]. С этой идеей един-

ственности «открытого общества» перекликается мысль Поппера о современном западном обществе как прямом продолжении древнегреческого: «...греки начали величественную революцию, которая, по-видимому, все еще находится в своей начальной стадии, а именно – стадии перехода от закрытого общества к открытому» [4, с. 29].

На самом деле современное индивидуалистическое общество начало складываться только в Новое время, и поэтому оно является продолжением индивидуалистической революции, начатой в эпоху античности лишь только в плане развития идей, но не реальных событий. Станным является и то, что у Поппера куда-то исчезает Средневековье. Историю этой эпохи он вообще не рассматривает.

Пристальное внимание Поппер сосредотачивает на тоталитаризме. Но не совсем понятно то, является ли это явление характеристикой закрытого общества. «Сегодняшний так называемый тоталитаризм принадлежит традиции столь же старой и столь же юной, как наша цивилизация»³. Хотя, так как тоталитаризм присущ античной коллективистической традиции, его по праву можно назвать закрытым обществом.

Итак, в человеческой истории, согласно Попперу, существуют и соперничают две тенденции: 1) традиция закрытого общества, ведущая начало от племенного коллективизма через Средние века к современному тоталитаризму, и 2) традиция открытого общества, идущая от древнегреческой демократии к современному западному обществу. Поэтому «открытое общество» можно отождествить с современным индивидуализмом или близким ему обществом, а «закрытое» – это современное коллективистическое или близкое к нему общество.

Как показывает история, цель, которую ставит перед собой закрытое общество, всегда является утопичной и не может быть воплощена в жизнь. Попытка реализовать высокую, но неосуществимую утопию – главный источник всех проблем и сложностей, которыми насыщено данное общество.

Сходных с Поппером взглядов на историю придерживался такой известный экономист, как Ф.А. фон Хайек. Он выделяет два основных типа социальных систем, или «порядков», – сознательные и спонтанные. Сознательные порядки рождены разумом человека и действуют по заранее выработанным планам, направленным на достижение ясно очерченных целей. Спон-

танные порядки складываются стихийно-исторически, не воплощают конкретного замысла и не контролируются из единого центра. Координация в них достигается благодаря соблюдению универсальных правил поведения. Примерами сознательных порядков могут служить армия и промышленные корпорации; спонтанными порядками являются такие самоорганизующиеся и саморегулирующиеся системы, как язык, право, мораль, рынок. Современное западное общество – сложное переплетение многих спонтанных порядков. Его характеристику составляют суверенитет и автономия индивидов, частная собственность и частное предпринимательство, политическая и интеллектуальная свобода, демократия и законность [5, ch. 1].

Современное западное общество, которое базируется на индивидуалистических принципах, по Хайеку, – это индивидуализм, а противоположное ему – социализм и иные формы коллективизма.

Основная черта индивидуализма – это «уважение к личности как таковой, т. е. признание абсолютного суверенитета взглядов и склонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфичной она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования» [6, с. 121]. Общество здесь не имеет существенного значения, так как не располагает всеобъемлющей шкалой ценностей. Но одновременно получается, что и конкретный субъект не может охватить все многообразие человеческих потребностей. В силу своей ограниченности отдельный человек не в силах объять необъятное, так как безграничное число социальных факторов не находится в рамках поля его деятельности. Следовательно, способности человеческого воображения ограничены, т. е. любая частная система ценностей – это лишь крупица, мельчайший атом всех потребностей общества. Поэтому индивидуальные ценностные системы различны и во многом противоречат друг другу.

В противоположность индивидуализму, общая черта коллективных систем – стремление к сознательной организации производственных сил общества для выполнения определенной общественной задачи. Существует, таким образом, какая-то единая цель, для осуществления которой должны быть мобилизованы все усилия общества. Все виды коллективизма, по Хайеку, «стремятся организовать общество в целом и все его ресурсы в подчинение

одной конечной цели и отказываются признавать какие бы то ни было сферы автономии, в которых индивид и его воля являются конечной целью [6, с. 145].

Среди основных черт коллективизма можно выделить плановую экономику, направленную против всякой конкуренции и на создание условий для осуществления того или иного идеала. Имеется в виду централизованное управление всей экономической деятельностью, характеризующейся «сознательным» использованием общественных ресурсов, с тем, чтобы определенные цели достигались определенным образом.

Рассматривая коллективизм, необходимо выделить две основные его формы: социализм и национал-социализм или нацизм. Социализм предполагает различные идеалы социальной справедливости, большего равенства, социальной защищенности и т. п., но вместе с тем включает и специфические методы для их реализации. В этом плане социализм – это упразднение частного предпринимательства, отмена частной собственности на средства производства и создание системы «плановой экономики», где место предпринимателя, работающего для достижения прибыли, занимают централизованные планирующие органы.

Нацизм же, по Хайеку, – «это чистый коллективизм, свободный от малейшего налета индивидуалистической традиции, которая могла бы помешать его осуществлению» [6, с. 146]. Национал-социализм – это не простой бунт разума, который однажды возник и через некоторое время угас. На протяжении двух последних веков, XIX, и XX, он периодически возрождался, заявляя о себе. Дело в том, что подъем нацизма в Германии в 20-х годах не сводится к поражению в войне и сложностям послевоенной жизни, к последовавшему за этим росту национализма и тем более к капиталистической реакции на наступление социализма, как это часто представляют. Расцвет нацизма в Германии прямо связан с успехами в ней социализма и является продолжением этих успехов.

Хайек критически относится к централизованному планированию, вводимому коллективизмом, так как оно неминуемо ведет к диктатуре единомыслия, особой морали и особой системе ценностей, к извращению языка и т. д. «Парадоксальным образом коллективистская доктрина, выдвигая принцип «сознательного планирования», неизбежно наделяет высшей властью какой-то индивидуальный разум, в то время как

индивидуализм, наоборот, позволяет понять значение в обществе надиндивидуальных сил. Смирение перед социальными силами и терпимость к различным мнениям, характерные для индивидуализма, являются, тем самым, полной противоположностью интеллектуальной гордыне, стоящей за всякой идеей единого руководства общественной жизнью» [6, с. 110].

В общем и целом, на наш взгляд, Хайек предпринял попытку показать принципиальную неосуществимость целей, провозглашенных приверженцами социализма, и невыполнимость программ, предлагаемых для реализации этих целей. По мысли Хайека, «в споре между социализмом и рыночным порядком речь идет ни больше, ни меньше как о выживании. Следование социалистической модели привело бы к уничтожению большей части современного человечества и обнищанию основной массы оставшегося» [6, с. 111].

С экономической точки зрения кардинальное преимущество рыночной системы перед плановой Хайек усматривал в способности первой посредством ценового механизма использовать такой объем информации, получение и переработка которого невозможна в рамках системы централизованного планирования. Поэтому плановая экономика неспособна обеспечить соответствие структуры производства структуре общественных потребностей и достичь сколько-нибудь приемлемого уровня эффективности.

С политической точки зрения последовательное осуществление принципов планирования, по Хайеку, неизбежно приводит к тоталитаризму. Здесь можно привести следующие слова Р. Арона, который занимался исследованием значения тоталитаризма в современной действительности. «Определяя тоталитаризм, можно, разумеется, считать главным исключительное положение партии, или огосударствление хозяйственной деятельности, или идеологической террор. Но само явление получает законный вид только тогда, когда все эти черты объединены и полностью выражены» [7, с. 194].

И нацистский, и коммунистический режимы являются тоталитарными. Дело в том, что тоталитаризм возникает в условиях режима, представляющего какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность. Первопричиной установления тоталитарного порядка является сама революционная партия. Режимы становятся тоталитарными «не

в силу какого-то постепенного развития, а на основе первоначального стремления коренным образом преобразовать существующий порядок в соответствии со своей идеологией. У революционных партий есть общие черты, которые приводят к тоталитаризму, – масштабность устремлений, радикальность позиций и выбор самых крайних средств» [7, с. 232-233].

Итак, тоталитаризм невозможен без планирования, которое, в свою очередь, сопровождается применением мер принудительного характера, ограничением и, в перспективе, ликвидацией правового порядка, проникновением государства во все сферы общественной жизни. Развитие общества, считал Хайек, в целом представляет собой сложный процесс эволюции и взаимодействия «спонтанных порядков» – социальных инструментов, моральных традиций и практик, складывающихся без чьего-либо замысла и не поддающихся координации «из единого центра». Типовые примеры «спонтанных порядков», как указывалось выше, – это рынок, право, язык, мораль.

Таким образом, на наш взгляд, исходя из анализа современных форм коллективизма и индивидуализма, проведенного Хайеком, можно сделать следующий вывод: современная история (история XX века) представляет собой противостояние и борьбу западного индивидуалистического общества и коллективистских обществ, а современное западное общество является сложным переплетением многих спонтанных систем, сложившихся стихийно истори-

чески и не служащих достижению каких-либо конкретных, ясно осознаваемых целей.

В заключение можно отметить один существенный недостаток в рассматриваемых теориях. Дело в том, что при исследовании противостояния современных индивидуалистического и коллективистского обществ ни К. Поппер, ни Ф.А. Хайек не уделяют особого внимания «революционным (коммунистической и нацистской) партиям». Ведь еще Ленин указывал на то, что без сплоченной «революционной партии», идущей в авангарде пролетарского движения, не может быть ни социалистической революции, ни диктатуры пролетариата и построения социализма.

Противостояние коллективизма и индивидуализма универсально, оно охватывает всю историю. Более четко оно выражается в современной истории, в противоборстве тоталитарных режимов и западного индивидуалистического общества. В доиндустриальном же обществе вышеупомянутое противостояние менее выражено, где индивидуализм и коллективизм сталкиваются друг с другом в «холодной» и «горячей» войне.

Отсюда следует, что в истории всегда будет оставаться достаточное количество сложнейших проблем и задач, которые предстоит исследовать и решать. В связи с этим в данной ситуации нельзя не согласиться с Р. Ароном, который доказывал, что история как целое, как единый процесс необъяснима. Поэтому невозможен прогноз будущего на основании изучения опыта прошлых веков [7, с. 230].

Список использованной литературы:

1. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.-СПб., 2000.
2. Поппер К. Нищета историцизма / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993.
3. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. М., 1992. №8.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. / Пер. с англ. М.: Культурная инициатива. 1992.
5. Hayek F. A. Fatal Conceit. Chicago, 1989.
6. Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. М., 1990. №10, 12.
7. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.